
РЕЦЕНЗИИ

**АНДРЕЙ БИТОВ В РАМЕ
«ПОРТРЕТА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ»**

Портрет поздней империи: Андрей Битов. Авт.-сост. Евгений Чигрин.

Предисловие Валерия Попова. — М.: АСТ, 2020. —

(Большая биография).

«Портрет поздней империи» — так называется новая книга. Называется, возможно, потому, что в словосочетании «поздняя империя» слышится что-то печальное, закатное и грандиозное. Передо мною сборник, посвященный памяти, судьбе и наследию Андрея Битова, писателю, чье имя в среде знающих русскую литературу множество лет неизменно было созвучно понятию «Мастер». Битов был видной, звучной личностью, и если теперь сказать — «То было в эпоху Битова», — это не звучит диссонансом. Большая часть жизни писателя прошла в годы советской власти. Он печатался, а советским писателем никогда не был. Совершенно самостоятельный, мыслящий интеллект, потрясающий собеседник, он был, как и многие его друзья, во «внутренней эмиграции», то есть жил своей внутренней жизнью, увлекался книгами, женщинами, при этом оставаясь в конечном счете исключительно верным себе. Молодость его пришлась в пору «оттепели». И это способствовало тому, чтобы Битов смог утвердиться, стать исключительно самостоятельным, обрести свой неповторимый взгляд на мир. А потом и принять авторское участие в неподцензурном, изданном за рубежом скандальном альманахе «Метрополь».

До многочисленных его европейских и американских путешествий, которые относятся большей частью к зрелым годам, были путешествия внутри страны, по респуб-

лика. Очерк за очерком у А. Битова рождалась «Книга путешествий по Империи», подготовленная в 1991 году, но долго не выходящая. Возможно, ее название тоже повлияло на то, что книга, посвященная его памяти, была названа ее составителем, широко и заслуженно известным поэтом Евгением Чигриным «Портрет поздней империи»... А начиналась «Книга путешествий...» с некогда вышедшего отдельным изданием большого очерка-повести «Уроки Армении», и этот очерк-углубление в исторические судьбы Армении стал по выходе настоящим событием. Не только потому, что в нем сразу проявился масштаб своеобразия, звучность прозаического камертона, которым владел автор, но поражала его беспредельная внутренняя свобода, *уверенное в себе умное своеволие выразить себя пером...*

Я помню Андрея Битова довольно молодым. Впервые встретил его в известном в Москве кинотеатре-музее «Иллюзион», где можно было смотреть старые и даже старинные зарубежные и советские фильмы. Но на сей раз это был не киносеанс. Это был многолюдный сбор московской творческой богемы, посвященный... пуговице. Известный у нас лишь Битову и его друзьям-интеллектуалам французский писатель-экспериментатор, сюрреалист Раймон Кено написал всевозможные тексты-вариации, посвященные пуговице. И Битов с друзьями эту книгу малым тиражом издали и в «Иллюзионе» устроили грандиозную презентацию, на которой считанные экземпляры были разыграны особым способом — напекли пирожки и экземпляр темно-синей, длинной, «в рост», книжки доставался тому, у кого в пирожке окажется пуговица. Выигравшему выдавалось еще изданное тем же форматом «приложение» со стихами современных русских поэтов, также посвященными пуговице. Пуговица в тот вечер обрела благодаря царившему в тот час в зале-фойе Андрею Битову некую интеллектуальную самоценность... Поэт Виктор Куллэ в «Портрете поздней империи» провидчиво пишет: «Битова по умолчанию принимали за „мудреца“, но ему мудрость как таковая была скучна, что ли. Живое и непосредственное удовольствие Андрей Георгиевич получал не от безукоризненно выверенной цепочки умозаключений — а от собственной способности глянуть на нечто до неприличия общепринятое с небывалой доселе точки зрения. Со стороны это выглядело как истинное чудо». И далее у Куллэ о том, что у Битова в его текстах было «чутью лукавое приглашение к игре по новым увлекательным правилам». И там же еще точнее: «Битов попросту распространяет требование сотворчества на взаимоотношения человека со всем Божьим миром. Представляющим как некий текст (ну, или холст), порожденный Творцом». Ради такого понимания уже стоило издавать книгу памяти Писателя. А ведь подобных «прозрений» в жизнь, творчество и личность Битова в книге-сборнике покоряющее много!..

Прав и Евгений Костин, который в той же книге пишет: «Битов соединил в своих текстах многообразную фактическую основу, почти документалистику, опираясь на собственный жизненный и психологический опыт, и это было характерной чертой всего его творчества, включая и классический „Пушкинский дом“...» Да, фактичность, то есть глубокая, прочувственная жизненность, помноженная на свободу, были свойственны битовской прозе. И еще мнение от Георгия Кубатьяна, представляющего в книге Армению: «Что бы ни выходило из-под его пера, будто бы само собой оборачивалось прозой, и притом изысканной прозой, читая которую, смакуешь ее точность, остроту рисунка, синкопические перепады ритма». Это уже и о музыке битовского письма...

Большое видится на расстоянии. Литературно большое тоже. Потому на личность Битова год спустя после его смерти в этой книге откликнулись многие, известные, знаменитые, именитые или просто к нему, поверх известности, близкие, дружественные, как художник Борис Мессерер или известный фотограф Юрий Рост, чьи фотографии совершенно уникально «аккомпанируют» в книге писательским и поэтическим текстам... И встает со страниц дружившая с Битовым надмирная и утонченная Белла Ах-

мадулина, посвящавшая ему стихи. Зоя Богуславская там же пишет об этом: «Он дружил с Беллой Ахмадулиной, с которой вообще трудно было подружиться. Она не очень жаловала собратьев по перу, но для А. Г. Битова и А. А. Вознесенского делала исключение». И далее: «У Битова был особый жанр: смесь прозы, эссеистики и аналитики. Но все это разнотравье определяло одно: безупречный язык, умение сказать по-своему и заставить помнить это людей, хотя бы тех, кто будет о нем писать». Но не нужно полагать, что сборник «Портрет поздней империи» — это своего рода ристалище превосходных оценок. У той же Зои Богуславской, бездну лет знавшей писателя, читаем: «Про него могу сказать, что это был человек очень одинокий, сильно изменившийся в определенном возрасте. Смелый, озорной, а иногда и хулиганистый — мог эпатировать. Петербуржец, это вылезало из всех пор. И статья петербургская и снобизм. Да, он был о себе довольно высокого мнения, чего не скрывал».

А вот многие литературные герои Битова, еще со времен его известного рассказа «Пенелопа», не были о себе высокого мнения. Они находились в непрестанном диалоге с собственными чувствами, ощущениями, со своей неуверенностью и опрометчивыми поступками. Вот и выглянул призраком из-за плеча А. Битова Ф. М. Достоевский. А как же, все-таки Петербург. Хотя стилистически современники Битова хотели бы видеть в нем отдаленное литературное «родство» с В. Набоковым, но и тут «фоном» все тот же Петербург... Битов жил на два города, у него были пристанища и в Питере, и в Москве. В Питере — по любви к родному городу, в Москве — по близости к «большой» литературе. «Питерский Битов отличался не только от датского — и от московского, где мы пересекались достаточно часто. Он был дома. Недаром главная книга, известность которой и неразрывная ассоциативность которой с именем автора его раздражала, несет в названии архетип и концепт Дома. Домашний Битов утрачивал загадочность и непостижимость, но приобретал полноту человеческого», — об этом пишет Марина Кудимова в очерке своем «Ветренная погода...», включенном в книгу и рассказывающем об их с Битовым и писателями путешествии в Данию, и в заключение цитирует важнейшую мысль Битова, которую она почерпнула в его «Пушкинском доме»: «Мы привыкли думать, что судьба превратна и мы никогда не имеем того, чего хотим. На самом деле мы получаем с в о е — и в этом самое страшное...»

Если бы десять художников стали писать портрет Андрея Битова и писатель им позировал, получилось бы десять совершенно стилистически разных холстов, так и в книге «Портрет поздней империи» каждый воплощенный в словесность портрет неповторимо своеобразен, каждый создан со своей точки зрения. Похожих среди них нет. И то, что в книге наряду с текстами-воспоминаниями присутствуют и стихотворные прижизненные и посмертные посвящения ему Б. Ахмадулиной, А. Кушнера, Г. Горбовского, О. Чухонцева, О. Хлебникова, В. Алейникова, Н. Королевой, Г. Шульпякова, только дополняет книгу, и мы вспоминаем и о том, что Андрей Битов был не только прозаиком, но и поэтом в начале своего пути.

Конечно, Евгений Чигрин взвалил на себя огромный, трудно обозримый труд составления этой Книги Мысли и Памяти. Порой было непросто договориться с авторами, преодолеть разногласия, погасить претензии — при таком труде все это неизбежно. Но сборник вышел, был сразу замечен и отмечен. В «Литературной России», например, Виталий Александров, откликаясь, писал: «Думаю, что и в этой книге, как и в своих писаниях, Андрей Георгиевич Битов настигнул себя. „Кончится ли эпоха Битова?“ — спрашивает сам себя Валерий Попов. И энергично отвечает: „Ни за что и никогда!“ Дайто Бог...» Откликов уже много, а будет еще больше, ибо эта книга еще раз отправляет имя Андрея Битова в Вечность, еще раз утверждая его особую, неповторимую роль в Истории русской литературы.

Станислав АЙДИНЯН

НЕВА 5'2020